

Поступок Гаврилова

Бах как поп-музыка своего времени

Андрей Хрипин

В Международном доме музыки на Красных Холмах произошло главное музыкальное событие минувшей недели, на которое пожаловал первый и последний президент СССР Михаил Горбачев. Пригласил его друг – экс-диссидент и знаменитый пианист Андрей Гаврилов. Весь сбор от концерта, включая гавриловский гонорар, пойдет на нужды Центральной музыкальной школы (если вспомнить историю, то свой первый выпускной бал благодарный, как показало время, ученик ЦМШ Андрияша Гаврилов получил в 1974-м в виде золотой медали на Пятом конкурсе имени Чайковского).

Большой оригинал, ниспровергатель авторитетов и возмутитель спокойствия играл главного композитора своей жизни – Баха. Впервые в один вечер прозвучали все семь клавирных концертов вечного, но так и не разгаданного до конца Иоганна Себастьяна. Впервые Гаврилов, не устающий «разоблачать» в своих резких высказываниях фиктивную, на его взгляд, сущность дирижерской профессии, сам дебютировал в амплуа дирижера или, что будет точнее, музыкального руководителя концерта, ибо в силу ситуации он, конечно, больше был прикован к нотам и клавиатуре рояля как солист. Зато ясно чувствовалось, что отсутствие посредника в

лице, допустим, какого-нибудь известного маэстро сильно воодушевляло Андрея Владимировича – его личный взгляд на Баха и своя собственная, отличная от бытующих ныне клише оригинальная интерпретация могли доходить до публики напрямую, без редактуры и искажения. Ансамбль солистов Московского симфонического оркестра (что это за коллектив такой – непонятно даже из аннотации в программке) чутко ловил все порывы и прихоти гения, за

что получил от него самые избыточные знаки почтения во время поклонов.

Можно долго и по-музыкаведчески нудно говорить о блестящих пианистических параметрах Гаврилова, о техническом перфекционизме пианиста (хотя само название его профессии приводит его в раздражение, как и все рассуждения о виртуозности и технике). Главный его талант, как ни парадоксально это звучит, – в другом. Личности

скольких и скольких замечательных музыкантов современности практически полностью растворена в исполняемой музыке и не слышна за нотами. Гаврилов же один из немногих избранных всегда умел оставаться собой и не боялся на сцене быть (а не казаться) таким, какой он сегодня, в этот самый миг – то вызывающе экстравагантным (в расстегнутой чуть ли не до пупа черной рубашке с золотой цепью, длинные лохмами и рокерскими по-

вадками), то подчеркнуто корректным и академичным, подчас расстроенным, сердитым, а то и перевозбужденным и потому слишком разговорчивым.

Гаврилов всегда интересен, так как никогда не знаешь, чего от него ждать, что он выкинет на сей раз (не дай бог, возьмет и выйдет голым, как это случилось однажды с другим великим пианистом, – шутка, конечно). Сегодня он играет Баха в классических традициях, а завтра собирается делать «Гольдберг-вариации» в рок-обработке с участием Эрика Клэптона, Марка Нопфлера, Пако де Лусия и Джона Вильямса. Это человек Поступка, ибо только такой на самой вершине успеха (лучшие площадки и фирмы грамзаписи, огромное состояние, дома, жены, красивые вещи и женщины) может внезапно все бросить, сбежать от профессии и людей, долгих семь лет проведя в странствиях и духовном поиске, а потом так же внезапно вернуться и начать все с нуля. Возвращение Гаврилова к концертной деятельности (и задолго на родину, где не был лет пятнадцать) совпало с началом тысячелетия. В родные пенаты он вернулся в описанном выше неформальном имидже и в довольно расплывчатой физической форме, которую на сегодняшний день довел до приятного спортивного вида.

Бах Гаврилова свободен и раскрепощен. Это полная про-

тивоположность строгому стилю с его сдвинутыми от осознания серьезности миссии бровями. Это никакой не аутентизм с его условностью и научно-кабинетным рационализмом. Это современная музыка. Это импровизация. Это полет фантазии. Даже некое актерское перевоплощение – судя по мимике и жесту, во время исполнения баховской музыки Гаврилов явно существует в каких-то им самим придуманных обстоятельствах и играет какие-то роли, веселые и грустные (поэтому особенно интересно тем, кто сидит близко к сцене). Более того, Гаврилов (почти как в кинокомедии «Антон Иванович сердится») заявляет всему свету, что Бах это не только труд, философия и глубина – это развлечение, поп-музыка, эстрада своего времени. Он и играет Баха с таким явно неакадемическим акцентом, находя, как и прежде, и приверженцев, и тех, кто не принимает таких «вольностей в обращении». Однако аплодирующему большинству в ММДМ трех часов Баха с маленьким перерывом оказалось мало. Больше всего не ожидали биса замечательные солисты-флейтисты, тем не менее пришлось целиком играть на бис финальную жизнеутверждающую фугу из не менее замечательного Шестого фа-мажорного концерта с двумя обильно солирующими флейтами. ■

Независимая. — 2004 — Гапр. — с. 8.

Непредсказуемый Гаврилов показал нам совсем нового Баха. Фото Артема Чернова (НГ фото)